

СОЛИДАРИЗМ: В ПОИСКАХ АЛЬТЕРНАТИВЫ

С. Е. Руженцев

*Воронежский государственный медицинский университет
имени Н. Н. Бурденко Министерства здравоохранения РФ*

А. В. Смирнов

*Воронежский филиал Государственного университета морского и речного флота
имени С. О. Макарова*

Поступила в редакцию 1 ноября 2024 г.

Аннотация: рассматриваются вопросы, связанные с идеями солидаризма. Данное учение получило распространение в качестве своеобразной альтернативы господствующим идеологиям. Оно отстаивало некий «третий путь», отличающийся как от капитализма, так и от социализма. В основе солидаризма лежат абстрактные идеи, не подкрепленные практикой, которые слабо согласуются с социальными процессами в современном обществе.

Ключевые слова: солидаризм, альтернатива, идеология, третий путь, корпоративизм.

Abstract: the article discusses issues related to the ideas of solidarity. This doctrine has spread as a kind of alternative to the prevailing ideologies. It advocated a kind of «the third way», different from both capitalism and socialism. Solidarism is based on abstract ideas, unsupported by practice, which are poorly consistent with social processes in modern society.

Key words: solidarism, alternative, ideology, third way, corporatism.

В условиях мирового глобального кризиса и нарастающей дезорганизации системы общественных отношений закономерно возникает запрос на альтернативы существующим концептуальным моделям. При этом было бы желательно преодолеть концептуально-методологический разрыв между непримиримыми идеологическими антагонистами – либерализмом и марксизмом, между индивидуализмом и коллективизмом. И среди таких альтернатив заметное место занимает солидаризм.

С самого начала солидаризм сложился как развитие и расширение органического понимания общества. Еще основоположник социологии О. Конт трактовал общество как единое целое. Такое понимание общества получило дальнейшее развитие в книге Э. Дюркгейма «О разделении общественного труда» (1897 г.) и, в особенности, у Г. Спенсера. При всех различиях их концепций эти авторы едины в утверждении идеи примата общества как целого над отдельным индивидом. Кстати, отсюда берет начало структурно-функциональный анализ общества. Согласно этому подходу каждый индивид выполняет

определенную функцию, необходимую для целого, для общества [1].

Общественное взаимодействие людей обусловлено их социальной солидарностью. Собственно говоря, солидарность скрепляет и поддерживает взаимодействие людей в условиях разделения труда. Э. Дюркгейм подчеркивал, что классы должны совместно и солидарно трудиться в системе общественного производства. В зависимости от типа разделения труда он выделял два вида солидарности – механическую и органическую. И у Г. Спенсера именно солидарность задает ту специфику, которая отличает человеческое общество от живого организма.

Как видим, солидарность выступала в концепциях основоположников социологии тем социальным «клеем», который соединяет людей в общество, придает их взаимодействиям устойчивый характер и конструктивную направленность. И вот на такой идейно-концептуальной основе стал формироваться солидаризм как направление общественной мысли. Продолжая линию Э. Дюркгейма и Г. Спенсера, французский юрист Леон Буржуа [2, с. 53, 67] провозгласил первичным и основополагающим фактором жизни и деятельности любого общества солидарность его членов. Л. Буржуа постоянно подчеркивал, что

реально существуют не отдельные индивиды и не государство, взятые сами по себе, а разнообразные ассоциации людей, неразрывно связанных самим фактом совместной жизни. И поскольку каждый участник ассоциации получает пользу от общежития, то это возлагает на него обязанности перед другими людьми. Поэтому в целях закрепления чувства долга людей перед обществом Л. Буржуа предлагал дополнить Декларацию прав «Декларацией обязанностей».

Практически одновременно с Л. Буржуа профессор юридического факультета в Бордо Леон Дюги (1859–1928) предложил построенную на основе идей солидарности концепцию, изложенную, в частности в книге «Государство, объективное право и положительный закон» (1901 г.), а также в других работах. По мнению Л. Дюги, все общества формируются из связей, объединяющих людей на основе солидарности. Все социальные связи, утверждает Л. Дюги, основаны на разделении труда. Поэтому деление общества на социальные классы закономерно, поскольку каждый класс в системе разделения труда выполняет свою социальную функцию. Сотрудничество классов на фундаменте солидарности и разделения труда позволит преодолеть пороки капитализма. И такое преодоление возможно без революции и всяких потрясений, исключительно мирным путем.

Факт общественной солидарности, по мнению Л. Дюги, осознается индивидами, что приводит к возникновению нормы социальной справедливости. Отчего само правило поведения состоит в том, чтобы «не делать ничего, что наносит ущерб социальной справедливости» [3, с. 18]. Именно социальная норма солидарности составляет основу и смысл всего объективного права. Поэтому государство должно «содействовать социальной солидарности» [там же, с. 57].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. начинает кристаллизоваться доктрина солидаризма. С самого начала солидаризм пытался противостоять либеральному индивидуализму и одновременно марксистскому коллективизму. Альтернативной этим двум крайним подходам мыслилась именно социальная солидарность, понимаемой как факт взаимной зависимости. Все классы общества представлялись взаимосвязанными классами, выполняющими свои социально необходимые функции [4, с. 22]. Иначе говоря, все классы общества обязаны совместно и солидарно трудиться в системе общественного производства на благо всего общества.

Такое сугубо функциональное понимание солидарности обусловило откровенно негативный взгляд на идеи равенства и естественных прав человека,

выдвинутых в революционную эпоху и закреплённых в Декларации прав человека и гражданина. Так, Л. Дюги подчеркивал, что люди от природы неравны и в соответствии с этим природным неравенством занимают разное положение в обществе. Следовательно, люди должны иметь разное юридическое состояние. Из данного тезиса логично следовало резко негативное отношение солидаризма к марксистскому учению о классовой борьбе, которое Л. Дюги обзывал «отвратительной доктриной» [там же, с. 17].

Очевидным противопоставлением марксизму явилось и положительное отношение солидаризма к частной собственности, которая понималась не как субъективное право индивида, а как его обязанность выполнять социальную функцию на благо всего общества [5, с. 79, 82]. Как утверждал Л. Дюги, собственность в солидарном обществе связана с социальным долгом человека, отражая свою полезность [3, с. 905]. И хотя сторонники солидаризма критиковали отдельных собственников за отступление от социальной солидарности, однако сам институт собственности сомнению не подвергался.

В связи с этим солидаризм предлагал заменить субъективные права на социальные функции, ибо субъективные права разобщают людей. Существует лишь объективное право, которое не предоставляет субъективных прав не отдельному индивиду. А право в целом обусловлено социальной солидарностью [4, с. 58–60]. В трактовке солидаризма юридическая норма возникает спонтанно в сложившихся условиях общественных взаимосвязей. Законодатель лишь констатирует, но не создает ее. Соответственно, и государство в целом редуцируется к идее социальной солидарности через синдикализм, т. е. профсоюзов, выражающих солидарные интересы того или иного класса. Соединение синдикатов в федерацию закономерно приведет к децентрализации политической власти, политическому и правовому плюрализму. Именно такой синдикалистский федерализм наилучшим образом обеспечит гармонию социальных отношений.

Российский солидаризм принял и развил идеи европейского солидаризма, соединив их с исканиями славянофилов (А. С. Хомяков) и концептом соборности, укорененным в православном вероучении. Отголоски синтеза европейского солидаризма и идеала соборности можно обнаружить у В. С. Соловьева и авторов известного сборника «Вехи». В более системном виде концепт солидаризма в российскую социально-политическую мысль ввел юрист Г. К. Гинс. В 1920-е гг. он предложил разработанную на основе солидаристских воззрений систему права и теорию государства как служебного инструмента для регулирования социальных отношений.

Солидаристское государство в концепции Г. К. Гинса предстает как «иерархия солидаристически построенных общественных организаций, которые, охватывая по возможности всё население и представляя все его интересы в параллельно сосуществующих организациях, стремятся не к поглощению одних другими, а к согласованному сотрудничеству в государстве как в высшем единстве» [6, с. 41]. Заметим, что Д. Ю. Алексеев социальную суть солидаристского государства, по Г. К. Гинсу, определил как «согласование интересов противоположных групп либо в порядке добровольных соглашений на договорных началах, либо при посредническом участии государства» [7, с. 95].

Однако более известен другой представитель российского солидаризма – И. А. Ильин. Как и Л. Дюги, он тесно увязывает солидаристские воззрения с концептами государства и права. Солидарность выступает одним из главных условий достижения гармонии общества и государства. Поэтому солидарность выражена в виде общей политической цели, которая не будет расходиться с их личными интересами [8, с. 241].

При ретроспективном взгляде на разнообразные российские солидаристские представления довольно отчетливо различаются религиозная и идеологическая трактовки. В. В. Ковалев считает, что «в рамках религиозной парадигмы солидаристские практики рассматривались в контексте постижения божественного предназначения русского народа и обретения им цивилизационной идентичности. В рамках идеологической парадигмы – в контексте решения задач модернизационного развития как способа преодоления различных форм цивилизационной отсталости российского общества» [9, с. 107]. По мнению В. В. Занделова, подход И. А. Ильина к взаимосвязи солидаризма и социальной справедливости в большей степени тяготеет к религиозной интерпретации этих явлений, так как взаимобязанность граждан и государства приводит к возникновению именно христианской солидарности [10, с. 4].

И. А. Ильин на страницах своих работ, как замечает В. В. Занделов, уделяет значительно меньше внимания экономическим и социальным практикам, делая основной акцент на духовной и правовой жизни общества. И. А. Ильин признает нравственное значение права в жизни общества, ведь позитивное право – необходимое условие гармоничной общественной жизни на основе принципов социальной солидарности.

В сущности, солидаристское государство является корпорацией. Корпорации – это образованные по профессиональному признаку и функционально дифференцированные, неконкурентные, иерархиче-

ски организованные группы [11, р. 94.]. Такие группы (корпорации, синдикаты) реализуют все экономические процессы «поверх и помимо» классовых барьеров и конфликтов. В результате корпоративной организации в солидарном обществе сама собой формируется общая потребность в социальном мире и сотрудничестве, а классовая борьба утрачивает свою актуальность.

Корпоративизм представляет собой организованную систему представительства интересов, построенную не на социально-классовой или электорально-представительской основе. Корпоративизм предполагает органически структурированные группы, объединенные принципом социальной солидарности. Предполагается, что такой подход отвергает обе крайности общественной жизни, как индивидуализм и эгоизм, так и классовую борьбу вместе с коллективизмом.

Заметим, что, по мнению португальского исследователя А. К. Пинту, «корпоративизм как идеология и тип организованного представительства интересов был первоначально выдвинут Римско-католической церковью в конце XIX – середине XX в. в качестве противовеса социализму и либеральному капитализму» [12, с. 72]. Истоки таких представлений можно обнаружить в феодальном обществе, в котором сословия и различные профессиональные гильдии традиционно воспринимались как функциональные части социального целого. Поэтому между сословиями устанавливаются «по умолчанию» отношения взаимного обслуживания и обеспечения. Для наилучшей координации деятельности корпораций и придания им значительно большей целенаправленности необходима организующая и примиряющая на основе общепринятых этических и правовых норм внешняя сила – государство. Однако и само государство должно соответствовать принципам социальной солидарности, сохраняя при этом свою природу института власти, опирающегося на формализованные нормы и практики.

Исходя из всех этих посылок, И. А. Ильин выдвигает идею двойственной природы государства – властного института и одновременно солидарной корпорации. Он предлагает не противопоставлять эти два начала государственности, а находить между ними баланс, обеспечивать их органическое единство и целостность. Но конкретные доли того и другого невозможно определить заранее и универсально, для каждого государства они своеобразны и переменчивы. Поэтому нельзя единообразно и механическим образом навязывать обществу принципы и нормы права и политического строя другой страны. Реальные сочетания этих принципов определяются спецификой традиций, форм, условий государственной жизни и

другими факторами, которые И. А. Ильин анализирует в своей статье «Что есть государство – корпорация или учреждение?».

И. А. Ильин уверен, что в условиях одновременного кризиса формальной демократии и право-левого тоталитаризма самой жизнеспособной и эффективной формой организации власти становится единство корпорации и учреждения. В понимании И. А. Ильина корпорация состоит из активных, полномочных и равноправных деятелей, имеющих общий интерес. Поэтому корпорация строится снизу вверх. А государство как учреждение, напротив, строится сверху вниз, по принципу опеки над людьми. Как подчеркивает И. А. Ильин, «государство в своем здоровом осуществлении всегда совмещает в себе черты корпорации с чертами учреждения: оно строится – и сверху, и снизу – и по принципу властной опеки, и по принципу самоуправления» [13, с. 102].

Это и будет Третий путь между крайностями бессильной либеральной демократии и большевистской тоталитарной диктатуры пролетариата – путь сочетания принципа свободы и принципа властной опеки. Как и Г. Гегель, И. А. Ильин стремится занять позицию «посередине», совместив ориентацию на свободу с желанием поддержки порядка. При этом порядок понимается традиционно для консервативных мыслителей, т. е. как устоявшийся уклад социальной жизни и организации власти, базирующийся на национальных традициях [10, с. 2, 5].

Исходя из тезиса об единстве противоположных начал государственности И. А. Ильин формулирует задачу на перспективу: «Грядущей России предстоит найти для себя – свою, особую, оригинальную государственную форму, такое сочетание из “учреждения” и “корпорации”, которое соответствовало бы русским, национальным историческим данным» [13, с. 105]. Наглядный пример такого органического единства противоположных начал И. А. Ильин увидел в фашистском режиме, в его корпоративной организации государства. Наиболее известна такая попытка в фашистской Италии. Позднее корпоративистские подходы стали распространяться в Австрии, Испании, Португалии. Общий смысл и суть этих попыток С. В. Печенкин обозначил как выход из тупика, вызванного Первой мировой войной, «через новые механизмы воздействия на элиту и массы» [14, с. 113].

Эти новые механизмы с самого начала выступили альтернативой как либерально-рыночной демократии, так и социалистическим настроениям, укрепившимся в Европе в результате революционных потрясений первых десятилетий XX столетия. Для западных элит уже становилось невозможным

простое отрицание или игнорирование социалистических идей большевизма и социал-демократии. Выход правящим группам виделся в использовании псевдосоциалистической фразеологии в деле защиты существующих основ, создания симулякра социализма в формате идеологии солидаризма и корпоративизма. В частности, итальянский фашизм использовал идею классового мира между народными массами и правящими верхами в рамках корпоративного государства. Идеологи фашизма признавали наличие реальных потребностей, из которых выросла ориентация на социализм. Поэтому первая программа итальянских фашистов содержала вполне социалистические лозунги: гражданские права и свободы, отмена тайной дипломатии, национализация военной промышленности, всеобщее образование, установление минимума зарплат, 8-часовой рабочий день и т. д. [15].

При этом идеологи фашизма признавали объективную необходимость максимальной концентрации ресурсов в руках государства в целях форсированной экономической модернизации. Однако путь к этой модернизации виделся не в установлении диктатуры пролетариата или либеральной демократии. Фашизм предлагал единство всех классов в рамках нации при сохранении иерархической организации социума. В такой организации каждый человек будет в своей профессиональной касте. Откровенно невыборный характер этих организаций воспринимался как достоинство по сравнению с демократией и присущей ей борьбой политических партий.

Корпоративизм в условиях фашистского или полуфашистского государства обозначает процесс масштабного использования официально санкционированных общественных организаций для ограничения или подавления самостоятельности гражданского общества. Перечень таких организаций может включать разнообразные объединения предпринимателей, профсоюзы, религиозные общества, спортивные общества, правозащитные организации и т. д. Как правило, государство устанавливает жесткие условия лицензирования этих организаций. Такой подход позволяет государству плотно контролировать их деятельность и одновременно осуществлять надзор самих организаций над своими членами.

Следовательно, социально-классовая структура общества фактически замещается совокупностью профессиональных организаций, которые выступают каналами согласования интересов различных профессиональных групп. Принятые по этим каналам решения санкционируются органами государственной власти и становятся общеобязательными. В результате, с одной стороны, внутрикорпоративные отношения регулировались, социальные и производствен-

ные конфликты успешно модерировались, но с другой – формировалась монополярная среда профессиональной деятельности. А поскольку сложившаяся модель корпоративизма не предполагала никакой автономии профессиональных корпораций, то она закономерно вела к усилению роли государства. При этом корпорации декларативно объявлялись «основой государства», а корпоративное государство выражало общую волю народа, объединенного приверженностью солидарности, порядку и нации. Однако, как замечает И. П. Шапкин, «на практике они часто были лишены реальной возможности воздействовать на экономическую и социально-экономическую жизнь страны, ограничиваясь выработкой различного рода рекомендаций и проектов» [16, с. 46].

Таким образом, корпоративизм можно представить как один из типов системной организации групп интересов, противопоставляемый «плюралистической» и «управляемой» системам. Для корпоративизма как организации социальной жизни общества характерно следующее:

- каждая социальная группа со своими интересами обычно представлена единой головной ассоциацией с четко обозначенной профессиональной принадлежностью;
- членство в такой ассоциации, как правило, является обязательным, неизбирательным, практически безальтернативным и всеобщим;
- корпорации имеют централизованную структуру и тесную связь с государством, плотно контролируя действия своих членов;
- корпоративные группы интересов систематически участвуют в выработке и осуществлении политического курса государства.

Как подчеркивают В. В. Ковалев, А. В. Попов и В. П. Хоценко, «арбитром в отношениях внутри корпорации и между корпорациями выступает государство, обеспечивая социальную гармонию в обществе. Поэтому основополагающим принципом корпоративного государства провозглашалась солидарность как идея служения государству» [9, с. 106]. Такая система стимулирует создание и институционализацию картелей. Существенное ограничение конкуренции закономерно ведет к чрезмерной концентрации власти в руках невыборных органов и авторитарных лидеров, что явилось социальной и экономической основой авторитарных и тоталитарных режимов в Западной Европе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр. А. Б. Гофмана, прим. В. В. Сапова. М. : Канон, 1996. 432 с.

2. Буржуа Л. Солидарность // Солидаризм во Франции в период Третьей республики : Леон Буржуа и Селестен Бугле / ред.-сост. А. Б. Гофман. М. : КДУ, Университет. кн., 2017. С. 21–68.

3. Дюги Л. Конституционное право. Общая теория государства. М. : Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1908. XL. 957 с.

4. Дюги Л. Социальное право, индивидуальное право и преобразование государства : лекции, прочитанные в 1908 г. в Высшей школе социальных наук в Париже. М. : Тип. Вильде, 1909. 147 с.

5. Дюги Л. Общие преобразования гражданского права со времени кодекса Наполеона / пер. с фр. М. М. Сиверс ; под ред. и с предисл. проф. А. Г. Гойхбарга. М. : Гос. изд-во, 1919. 110 с.

6. Гинс Г. К. На путях к государству будущего. От либерализма к солидаризму. Харбин : Тип. Н. Е. Чинарева, 1930. 220 с.

7. Алексеев Д. Ю. Г. К. Гинс – основоположник российского солидаризма // Вестник Тихоокеан. гос. экон. ун-та. 2009. № 2. С. 91–98.

8. Ильин И. А. Путь духовного обновления // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Рус. кн., 1993. Т. 1. С. 39–282.

9. Ковалев В. В., Попов А. В., Хоценко В. П. Идеи солидаризма и солидарности в интеллектуальной традиции России и Запада // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 7. С. 103–110.

10. Занделов В. В. Солидаристское государство как гарант социальной справедливости в философии И. А. Ильина // Философская мысль. 2022. № 11. С. 1–11.

11. Schmitter P. C. Still the century of corporatism? / P. C. Schmitter // The Review of Politics. 1974. Vol. 36, No 1. P. 85–131.

12. Пинту А. К. Фашизм, корпоративизм и создание авторитарных институтов в диктаторских государствах Европы в межвоенный период : пер. с англ. // Берегinya. 777 Сова. 2014. № 4. С. 70–90.

13. Ильин И. А. Что есть государство – корпорация или учреждение? // Ильин И. А. Собр. соч. : в 10 т. / сост. и коммент. Ю. Т. Лисицы. М. : Рус. кн., 1993. Т. 2, кн. 1. 496 с.

14. Печенкин С. В. Политические вызовы начала XX столетия и пути их решения // Известия Воронеж. гос. пед. ун-та. 2023. № 2. С. 113–118.

15. Любин В. П. Итальянская историография фашизма: подходы левых и правых // Фашизм, неонацизм и их преступная практика : сб. ст. пам. Е. Д. Строгановой. М. : Весь Мир, 2021. С. 64–82.

16. Шапкин И. П. Корпоративистская практика 1920–1930-х гг. : опыт создания «корпоративной» экономики в Италии, Австрии, Испании, Португалии // Вестник Финансового ун-та. Серия : Гуманитарные науки. 2017. Т. 7, № 3. С. 40–51.

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко Министерства здравоохранения РФ

Руженцев С. Е., доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и гуманитарных дисциплин
E-mail: rsevrn@gmail.com

Воронежский филиал Государственного университета морского и речного флота имени С. О. Макарова

Смирнов А. В., кандидат политических наук, доцент кафедры правовых и гуманитарных наук
E-mail: alex48sm@mail.ru

Voronezh State Medical University named after N. N. Burdenko of the Ministry of Health of the Russian Federation

Ruzhentsev S. E., Dr. Habil. in Philosophical Sciences, Professor of the Pedagogy and Humanity Scientists Department
E-mail: rsevrn@gmail.com

Voronezh Branch of the State University of Marine and River Fleet named after S. O. Makarov

Smirnov A. V., PhD in Political Science, Associate Professor of the Department of Legal and Humanitarian Sciences
E-mail: alex48sm@mail.ru